

Доктор Тиберий Рата, Теология Ветхого Завета, Сессия 1, Введение и методология

© 2024 Тиберий Рата и Тед Хильдебрандт

Это доктор Тиберий Ратта и его учение о богословии Ветхого Завета. Это сессия 1, Введение и методология.

Привет всем. Меня зовут Тиберий Ратта. Я преподаю Ветхий Завет в колледже Грейс и теологической семинарии, и сегодня мы поговорим о богословии Ветхого Завета. Итак, сначала мы поговорим о введении и методологии дисциплины.

Мы не занимаемся чистой теологией Ветхого Завета, потому что мы не могли; мы не пророки Ветхого Завета; мы христианские учителя, поэтому мы не можем преподавать Ветхий Завет так, как будто Иисус не умер на кресте и не воскрес. Поэтому, в некотором смысле, мы должны заниматься библейской теологией, но это теология Ветхого Завета. Вот несколько определений из некоторых предыдущих исследований.

Теология, которая содержится в Библии, можно сказать, что это довольно очевидно. Вос говорит, что раздел экзегетической теологии имеет дело с процессом самораскрытия Бога, заложенного в Библии. Так что теперь у нас есть некоторые термины, которые очень, очень важны.

Другими словами, теология Ветхого Завета должна быть экзегетическим богословием. Другими словами, она должна исходить из текста. Мы не можем делать эйсегезу, навязывать свои убеждения тексту, а можем черпать свои убеждения из текста.

И это говорит о самораскрытии Бога. Это не человеческое дело. Мы верим, что это Слово Божие без ошибок.

Вот почему мы можем верить, что это не только для веры и практики, но и для всего, на что мы смотрим. Эбелинг определяет библейское богословие как богословие, которое согласуется с Библией. И снова, очевидно, это очень просто.

Но это еще не все. На самом деле, концепция библейского богословия появилась только после Реформации. Термин «библейское богословие» впервые был использован в XVII веке Иоганном Филиппом Габлером, которого считают отцом библейского богословия.

Итак, это на самом деле название книги. Название его работы — *«Рассуждение о правильном различии между библейским и догматическим богословием и правильном определении их границ»*. Итак, Габлер посмотрел на то, как делалось богословие, и сказал: «Я думаю, что должен быть другой способ взглянуть на это».

Итак, он четко разграничивает библейское богословие и догматическое богословие, или иногда то, что мы называем систематическим богословием. Итак, то, что сделал Габлер, что, опять же, помогает библейским богословам, это то, что он придал библейскому богословию чисто исторический характер. Итак, когда мы смотрим на Ветхий Завет и видим, как Бог открыл себя, мы должны рассматривать его прогрессивно.

Мы должны начать с самого начала, а затем пойти и посмотреть, как Бог явил себя в истории. Другими словами, мы не должны этого делать, и опять же, систематические теологи могут не согласиться с ним. Мы не должны просто брать и говорить о Боге в целом, а затем брать стих из Бытия, брать стих из Малахии, брать стих из Псалмов. Но он сказал, давайте посмотрим, как Бог явил себя в истории. И это действительно корень библейского богословия, согласно Габлеру.

Он пишет, что библейское богословие должно уделять внимание отдельным документам Библии, помещая их в их исторический контекст и наблюдая за их формой выражения. Итак, снова, это то, куда мы идем с экзегетическим богословием. Сначала вы начинаете с экзегезы; вы смотрите на Библию и текст, затем вы смотрите на исторический контекст, затем вы видите, как они выражены, и затем вы записываете это как богословие.

Сам Габлер считал, что слово «библейское богословие» неадекватно истинному библейскому богословию, которое для него означало, цитирую, экзегезу отдельных документов и сравнение их различных выражений. Я думаю, самое важное, что нужно помнить, это то, что библейское богословие находится между экзегезой и систематической теологией. Так что нет ничего плохого в систематической теологии, говорил он.

Но прежде чем вы доберетесь до этого, вам нужно пройти библейское богословие. Вы смотрите на то, как Бог открыл себя в истории, и смотрите на развитие этого откровения. Опять же, этот исторический элемент — то, что Габлер привносит в таблицу.

И я думаю, что это очень хороший способ взглянуть на это. Например, когда мы рассматриваем Бога как создателя, мы начинаем с Бытия, а затем движемся дальше и видим, как Бог раскрыл себя. Теперь, если вы не согласны с датировкой книг, вы можете сказать, ну, мы должны начать с Иова.

И это нормально. Начнем с Иова. Говорит ли Иов о Боге как о творце? Да, говорит.

Итак, Бог как создатель является очень важной частью библейского богословия и ветхозаветного богословия, и Бог начинает с описания себя как Бога-творца. Есть и другие ученые, которые продолжают эту идею библейского богословия, богословы 19-го века, такие как Герман Шульц, Герхард Дос Вос и Э. Дж. Янг. Они рассматривали библейское богословие и цитату, ту ветвь библейского толкования, которая имеет дело с откровением Бога людям в свете раскрывающей деятельности Бога, духовного опыта людей, с которыми он говорил, и характера написанного слова.

И снова, здесь есть несколько элементов. Никто из этих теологов не отрицал, что это слово Божие. Бог открывает себя в своем слове.

Он мог бы выбрать раскрыть себя другими способами, через ангелов. Но нет, он этого не сделал. Он выбрал раскрыть себя в своих словах и в исторических деяниях.

Опять же, Габлер сказал бы, что в наших исследованиях есть место для систематической теологии, но нам нужно понимать различия. Итак, прежде всего, есть сходства в том, как и систематическая теология, и библейская теология имеют дело с материалом Писания. Они имеют дело с библейским текстом.

Итак, пока мы начинаем там, мы хороши. Теперь, систематическое богословие представляет библейскую истину во всей ее полноте в отношении, например, учения о человеке, учения о Боге, грехе и т. д., и т. д. Библейское богословие раскрывает особую стадию созревания Божьего откровения людям во времена патриархов, Моисея и Христа.

Итак, есть эта прогрессия, то, чего, опять же, систематическая теология не делает. Они оба делают экзегезу, и библейские теологи, и систематические теологи. Они делают библейскую экзегезу, но то, как они организуют свой материал, отличается.

У библейских теологов более историческая, прогрессивная договоренность. Ученые, интересующиеся библейским, подхватили это. Одним из наиболее известных является GE Wright, который сказал, что Бог не только Бог завета, но и Господь истории.

В каком-то смысле он выступает против немецкой школы, которая отвергает часть библейского материала из-за чудес, например. У вас были теологи,

которые говорили, ну, вам не обязательно верить в исход. Исход на самом деле произошел, чтобы вы поверили, что Бог велик и Бог — Искупитель. А GE Wright сказал бы, нет, Бог явил себя в исторических актах.

Вы не можете отделить теологию от историчности события. Вот почему он продолжает и говорит, что Бог не только Бог завета, он также Господь истории. Фон Раад, хотя он и сказал некоторые вещи, которые могут не соответствовать нашей теологии, он действительно верил, что Ветхий Завет — это историческая книга.

Вера Израиля основана на теологии истории. Теперь, где он ошибся, он сказал, что не обязательно важно то, что произошло. Важно то, во что Израиль верил, что произошло. Ну, проблема в том, что иногда Израиль на самом деле не верил в то, что произошло, или, по крайней мере, они не действовали в соответствии с этой верой.

Есть и другие ученые, которые следуют этой идее библейского богословия. Терри Энн фокусируется на литературе Библии, а не на ее истории. Так что эти ребята противостоят тому, что сказал Филип Гобблер и другие.

Они сказали, что важна не историческая историчность, а литература. И вот почему, например, сейчас вы можете посещать занятия по Библии в Мичиганском университете, Университете штата Огайо, Гарварде, но они не верят ничему из того, что они пишут, или что они говорят, относительно историчности библейских событий. Они просто говорят, что это прекрасная литературная книга.

Очевидно, мы не могли с этим согласиться. Кайзер говорит, что история — это не только средство откровения; это основа, через которую можно познать Бога. Опять же, Бог явил себя в истории.

Вестерман и Клеменс, Библия — это литература с историческим и интеллектуальным измерением. Опять же, они не всегда отвергают историчность событий, но они признают исторический элемент или историческое измерение теологии. Теперь, есть и другие модели ветхозаветной теологии.

Некоторые современные модели, например, типологическая модель, Von Rad и Eichrodt. И мы поговорим об Eichrodt позже, когда будем говорить о Covenant. Многие люди смотрят на библейское богословие через призму Heilsgeschichte, идеи истории спасения.

И это на самом деле очень близко к библейскому богословию, потому что Heilsgeschichte, история спасения, прослеживает, как Бог спасает свой народ в

истории. И это очень важная концепция в ветхозаветной литературе. Фрей развивает этот повествовательный подход.

И снова, как верующие-евангелисты, мы не принимаем эту модель, хотя есть некоторые очень важные элементы, которым мы можем научиться у Фрея. Линдберг разрабатывает культурно-лингвистический метод. Его фактически считают отцом постлиберальной теологии, также известной как нарративная теология.

Он утверждал, что церковь должна сосредоточиться на повествовательном представлении христианской веры, на христианской истории от начала до конца. Поэтому, говорит он, если вы смотрите на историю, вы также узнаете о культуре и о различных фоновых вопросах, грамматике и практиках культуры. И снова, он сказал бы, что это способ изучать Ветхий Завет.

Готвальд развивает социологическую перспективу, и он фактически черпает из марксистского анализа, чтобы представить раннюю историю Израиля не с точки зрения традиционного завоевания, а скорее как крестьянское восстание в ханаанском обществе. Итак, то, что делают эти ученые, на самом деле, они смотрят на то, что происходит в мире сегодня, и они вчитывают это в прошлое, что является очень, некоторые могли бы сказать, очень неправильным способом заниматься теологией. И затем есть еще, конечно, еврейская библейская теология.

Есть несколько великих ученых Ветхого Завета, у которых мы можем учиться и черпать. Опять же, разница в том, что христианские ученые с нетерпением ждут исполнения мессианских обещаний во Христе, тогда как еврейские ученые этого не делают. У меня был профессор, который брал курс по Римлянам у еврейского раввина.

Он сказал, что это был один из лучших курсов по Посланию к Римлянам, которые он когда-либо посещал, потому что тот парень, который смог провести связь с Ветхим Заветом, к концу курса, раввин сказал, ну, это Павел. Я в это не верю. Так что, в конце концов, это вопрос веры и того, во что мы верим относительно Библии.

Является ли Библия словом Божиим без ошибок или нет? И мы верим, что это так. Библейское богословие: хотя они и не называли его так, отцы церкви практиковали библейское богословие, и они рассматривали исторические элементы веры. Или Ариан, Ориген, Августин, в третьем веке, Фома Аквинский, великие реформаторы, Мартин Лютер и Жан Кальвин делали это.

Если вы посмотрите на «Институты» Жана Кальвина, он не придумал эти вещи. Он был просто великим систематизатором данных. Он взял то, что существовало, а затем систематизировал это в своих работах.

И в его работах очень много библейского богословия. Один вопрос, который нам нужно задать, это есть ли центр Ветхого Завета? Есть ли центр Ветхого Завета? Есть ли центр всего Ветхого Завета? Можем ли мы говорить о центре? И один из ученых, который предполагает, что центр есть, это Вальтер Эйхродт. Конечно, он не смог бы преподавать в наших евангельских школах сегодня, потому что он фактически сказал, что Ветхий Завет содержал очень мало фактического учения.

Он был очень критичен к систематическим теологам, потому что они перенимали схему из доктринальной теологии или догматической теологии. Знаете, вы говорите о Боге, а теперь мы говорим о человеке, а теперь мы говорим о грехе. Он говорил, мы не можем этого делать.

Мы должны изучить текст, а затем прийти к выводу, о чем он говорит из текста. Так, он сказал бы, что это о Боге и людях, Боге и мире, Боге и человечестве. Поэтому я могу оценить Эйхродта, потому что он держит Бога в центре, даже если он не понимает всю теологию правильно.

Другое место, где Эйхродт прав, в некотором смысле, это то, что он делает большой акцент на идее завета. Он фактически предполагает, что завет является центром ветхозаветной теологии. Бог заключает завет с Ноем, он заключает завет с Моисеем, он заключает завет сначала с Авраамом, затем с Моисеем, затем с Давидом, а затем у вас есть новый завет.

Итак, эта тема завета присутствует от начала до конца, и с ним трудно не согласиться, потому что когда вы добираетесь до Нового Завета, где Иисус говорит о своих отношениях с нами, о Вечере Господней, он устанавливает новый завет. Мы, как верующие сегодня, находимся под новым заветом. Поэтому в каком-то смысле очень трудно не согласиться с Эйхродтом.

Он описывает центральность завета и говорит о завете Моисея на Синае, который объединяет все остальные темы Ветхого Завета. Завет Ветхого Завета на самом деле то же самое, что и Царство Божье в Новом Завете. И снова, я уверен, что некоторые с ним не согласятся, но я думаю, что его учение очень, очень важно, когда дело касается изучения Ветхого Завета и особенно изучения завета.

Теодор С. Вризен, еще один библейский теолог, это очень важно, его главная идея была в общении Бога с людьми. Если Эйхродт сосредоточился на завете,

Вризен сосредоточился на общении Бога с людьми. И снова, с ним трудно не согласиться.

Бог собирался с Адамом и Евой в прохладе сада. И так, с самого начала Бог хочет быть в отношениях с людьми. Но он говорит, что теология — это вопрос веры и откровения, и она касается реальности Бога и веры христианской церкви.

По этой причине теология Ветхого Завета занимает свое место рядом с историей религии Израиля как отдельная отрасль науки. Он согласен с этой библейско-теологической точкой зрения, что нельзя просто заниматься чистой теологией Ветхого Завета, но нужно также обратиться к Новому Завету для более глубокого понимания. Связь с Новым Заветом, говорит он, не случайна, а должна быть неотъемлемой.

GE Wright, как я уже упоминал ранее, подчеркивает всецелое единство Писания, делая акцент на истории. История — это откровение Бога. История — это арена деятельности Бога.

Он соглашается с Эйхродом, что идея завета является центральной и формирующей. Он возвращается и говорит, что история не может быть отделена от археологии и экзегезы. Почему? Археология дает нам окно в историю и культуру людей, когда происходили все эти события.

Но, конечно, вы не можете отделить это от экзегезы. Экзегеза должна быть первым шагом. Герхард фон Рад, опять же, мы упоминали его ранее, и снова, он что-то сделал правильно, а что-то неправильно.

Он использовал синтетический подход, который утверждал, что теология Ветхого Завета — это ряд исповеданий веры, проповедуемых на протяжении многих лет. Его трактовка послания пророков очень, очень хороша, потому что он уделяет большое внимание пророкам. Ему нравился этот подход *heilgeschichte*, опять же, история спасения.

Целью теологии Ветхого Завета не является создание систематической организации мира веры. Поэтому фон Раад и систематические теологи будут здесь сталкиваться лбами. Цель скорее в том, чтобы пересказать историю.

Тема — это то, что сам Израиль прямо высказал о Яхве. И вот тут, я думаю, он ошибся. Он по сути сказал, что это не то, что произошло в истории.

Не то, что сделал Бог, а то, во что Израиль верил, что Бог сделал. Ну, опять же, Израиль много раз не понимал, что делал Бог, или не верил в то, что делал Бог. Поэтому мы не можем основывать нашу теологию на том, во что кто-то верит или что кто-то переживает, потому что это может быть субъективным.

Мы должны верить в объективное слово Бога, и если Бог сказал, что это произошло, значит, это произошло. На самом деле неважно, во что верил Израиль, что это произошло. И фон Раад идет против Эйхрода, где он говорит: нет, в Ветхом Завете нет теологического центра.

Да, завет — важный аспект, но он не центр. Уолтер Циммерли, другой исследователь Ветхого Завета, говорит, что ключ к ключу, и здесь я бы с ним согласился, что центром теологии Ветхого Завета является сам Бог. И я думаю, что многие исследователи Ветхого Завета, даже сегодня, сказали бы да, это верно.

Хотя у Израиля была особенно тесная связь между его верой и историческим опытом, мы должны избегать ошибочного предположения, что для Израиля история как таковая стала откровением Яхве. Так что, в некотором смысле, он выступает против фон Раада. История не провозглашает Яхве в ходе событий.

Катастрофические события побуждают людей услышать слово Яхве. И снова он что-то делает правильно, а что-то нет. Клаус Вестерман говорит, что структура теологии Ветхого Завета должна основываться на событиях, а не на концепциях.

Ветхий Завет рассказывает историю, и снова, для него, это правдивая история. Акцент на благословении. Он не один такой.

Некоторые говорят, что ключ и центр ветхозаветной теологии — это благословение. Бог благословляет свой народ с самого начала. Вы можете начать с Бытия 1:28, а затем перейти к Ною и Аврааму.

Вы можете проследить идею благословения через писание. Опять же, мы не можем отрицать тот факт, что благословения являются очень важной концепцией. Но сказать, что это центр, вероятно, спорно.

В отличие от спасения, благословение — это то, что происходит все время и может применяться ко всему миру. Поэтому он в основном говорит о том, что реформаторы позже назовут общей благодатью. Цитата: это тихое, непрерывно текущее и незаметное действие Бога, которое невозможно запечатлеть в мгновениях или датах.

И я думаю, что для нас, кто любит разбивать на пункты один, два и три; иногда полезно взглянуть на работу Вестермана, потому что она допускает немного тайны и дает немного времени, чтобы сказать, иногда мы действительно не знаем. И я думаю, что иногда в теологии Ветхого Завета и в любой теологии нам нужно немного смирения, и именно поэтому мне нравится эта идея, что иногда

мы не можем уловить то, что делает Бог в моментах и датах. И я думаю, что это очень, очень хорошо.

Когда я учился в школе, Бревард Чайлдс был одним из первых, кто был большим. Он придумал два набора томов, и он разработал этот канонический анализ в 80-х и 90-х годах. Проблема в том, что он также принял критические выводы о Ветхом Завете и отверг большую часть историчности Ветхого Завета или историчности Деяний.

Но его работа очень хороша тем, что он понимает и утверждает, что теология Библии и теология церкви не развивались в вакууме, не развивались в башне из слоновой кости, а развивались вместе с развитием церкви. И это канонический подход. Он определяет канон как полученный, собранный и интерпретированный материал церкви.

Итак, обратите внимание, что для некоторых канон будет просто полученным и собранным текстом. Но он добавляет интерпретируемый материал церкви. Так что снова он вводит церковь, и вы не можете иметь теологию, утверждал он, без интерпретации церкви.

Вот почему многие студенты, и это правильно, возвращаются к отцам церкви. Как они интерпретировали писание сразу после того, как оно произошло, после событий смерти и воскресения Христа и развития ранней церкви? Так что, я думаю, его идея очень хороша. Она устанавливает материальный теологический контекст, в котором традиция продолжает функционировать.

И из идеи канона у нас есть идея канонического, принятия традиций как авторитетных и процесса, посредством которого собрание достигло своей литературной и текстовой стабилизации. Например, почему какой-то апокрифический текст, например, не попал в Священное Писание? Ну, не попал, потому что некоторые скажут, ну, он не попал, потому что церковь его не приняла. Итак, у вас могут быть все эти писания первого века или второго века или сколько угодно, и их нет в Священном Писании.

Почему? Ну, потому что церковь сказала, что они не каноничны. Вот почему он сказал, что нельзя отделить церковь от процесса теологии. Он продолжает, говоря, что свидетельство древнейших конгрегаций, претендующих на историческую преемственность с самой ранней апостольской традицией и представляющих наиболее всеобъемлющее географическое свидетельство вселенской церкви, использовалось в качестве главного критерия для определения авторитета книги.

И опять же, это не могло быть сделано вне церкви. Это должно было быть сделано внутри церкви и церковной традиции. Ветхий Завет понимается в связи

с Новым Заветом, но Новый непостижим вне Ветхого, и все исследователи Ветхого Завета сказали бы на это аминь, и нам пришлось бы подчеркивать это нашим ученикам.

Основная задача библейского богословия — размышлять над всей христианской Библией с ее двумя совершенно разными голосами, оба из которых, как признает церковь, свидетельствуют об Иисусе Христе. Где бы я с ним не согласился, я бы сказал, что это не два разных голоса. Это один и тот же голос, и если он выбирает сосредоточиться на различиях, это нормально.

Некоторые люди любят фокусироваться на разрыве между заветами. Некоторые из нас любят фокусироваться на преемственности. Я уверен, что где-то есть золотая середина.

Итак, в чем же состоит задача библейского богослова? Ну, Ветхий Завет свидетельствует о Христе, который еще не пришел, — Новый о Христе, который явился в полноте времени. Итак, если мы верим Иисусу, что Ветхий Завет о нем, то нам нужно оглянуться на Ветхий Завет и посмотреть, где он находится.

Когда Иисус воскрес из мертвых, Лука рассказывает нам, как по дороге в Эммаус он встречает двух учеников, которые немного озадачены тем, что произошло в Иерусалиме, и Иисус как бы упрекает их. Все бессмысленные, говорит Иисус, и медлительные сердцем, чтобы верить всему, что предсказывали пророки. Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою? И начиная от Матфея? Нет.

Начиная с Марка? Нет. Начав с Моисея, и всех пророков, Он изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании. И потом, когда Он является ученикам, Он говорит: это те самые слова, которые Я говорил вам, когда еще был с вами.

Что надлежит исполниться всему, что написано обо мне в законе Моисеевом и пророках и псалмах. Так что, если мы читаем Ветхий Завет, не видя Иисуса, мы упускаем суть. Сам Иисус говорит это.

Ни библейское богословие, ни догматическое богословие не являются самоцелью, а скорее остаются полезными инструментами, с помощью которых можно получить свежий доступ к живому голосу Бога в священных писаниях. Каноническая критика, опять же, принадлежит Бреварду Чайлдсу. Это всего лишь резюме его работы.

Бог вмешался в историю древнего Израиля. Религиозные писания возникли в верном свидетельстве о деяниях Бога. Религиозные писания получили различную степень принятия в сообществе верующих как нормативные.

Со временем наиболее принятые писания были пересмотрены, отредактированы и сформированы для передачи записей деяний Бога будущим поколениям. Писания были достаточно сформированы, чтобы быть объявленными сообществом верующих каноническими. То есть, они способны выражать факты и значение исторических деяний Бога всем будущим верующим.

И это конец введения и методологии ветхозаветного богословия.

Это доктор Тиберий Ратта и его учение ветхозаветного богословия. Это сессия 1, Введение и методология.